

Известный адвокат и политический деятель М.М. Винавер — неоднозначная и трагическая фигура, игравшая заметную роль в общественном движении, захлестнувшем Российскую империю на рубеже XIX—XX вв. Не пытаясь охватить все стороны его биографии, петербургский историк В.Е. Кельнер видит в нём прежде всего «главного еврейского защитника» и лоббиста (с. 5, 13). Для создания данного образа исследователю пришлось годами собирать и систематизировать разбросанный — без преувеличения — по всему миру архив Винавера, вникать в его рукописи, размышления, переписку, анализировать обширный массив воспоминаний единомышленников и противников, видевших в нём, несмотря на разногласия, неординарную личность, способную приковывать к себе внимание и вызывать уважение. Блестящий полемист и организатор, он умел слушать и направлять к единой цели людей разных политических взглядов и вместе с тем готов был признать право на существование даже совершенно чуждых ему идей (с. 447). Неудивительно, что в еврейской среде Винавер, часто непонятый и непринятый, оказывался отступником, а в русской — «нахальным евреем» (с. 18). Однако обвинявшие его в тщеславии и самолюбовании, по мнению Кельнера, просто не испыта-

ли пройденной им школы унижения (с. 153).

Создавая портрет личности в контексте эпохи, Кельнер не случайно взял эпитафией к одной из глав высказывание Р. Эмерсона: «В сущности, никакой истории нет; есть только биографии». Шаг за шагом исследователь реконструирует среду, в которой формировался Винавер — студент университета в Варшаве, где антисемитизм являлся элементом польского национализма, а затем начинающий юрист в петербургском обществе, в котором юдофобия не считалась чем-то маргинальным. Это было время «тихих» погромов с вытеснением евреев из обжитых мест, процентными квотами в университетах и «запретами на профессию», когда адвокатура оставалась одним из немногих островков вольнодумства в империи (с. 69). Выдвинувшись из целой плеяды юристов еврейского происхождения — блестящих интеллектуалов, участвовавших в русском литературном процессе, но «обречённых властью на судьбу подмастерий», боровшихся с проявлениями антисемитизма и критиковавших бесправное положение евреев, Винавер быстро стал фигурой общероссийского масштаба (с. 91). Он ловко использовал думскую трибуну, наступательную публицистику, активизацию еврейских общественных и просветительских организаций

* Кельнер В.Е. Щит. М.М. Винавер и еврейский вопрос в России в конце XIX — начале XX века. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2018. 510 с., ил.

и резонансные события: погромы, роспуск Думы, «Чириковский инцидент», «дело Бейлиса». Автор монографии усматривает в этом черты своего рода лоббизма, понимаемого как «комплекс мероприятий, призванный поставить еврейский вопрос в центр общественной и политической жизни страны» (с. 22). При этом, защищая интересы своего народа, Винавер не только не отделял их от судьбы России, но, напротив, теснейшим образом связывал с успехом общей борьбы против самодержавия за полное преобразование государственного строя. В этом отношении еврей Винавер представлял собой *русского* интеллигента.

Его организаторские способности, ораторское мастерство, пассионарность личности и «раненая» душа оказались созвучны настроениям, витавшим в еврейских городах и местечках, где местное либеральное движение ждало духовного вождя. И Винавер, будучи зрелым политиком, не считавшим освобождение российского еврейства чисто «еврейским делом», вполне подходил для этой роли. В своей деятельности он пытался опираться на единство евреев в борьбе за гражданское равноправие и поддержку освободительного движения. Однако русские либералы не могли остановить погромов, а еврейское общество не было однородным: столичные интеллектуалы плохо знали мир местечек, замкнувшийся в своих традициях и проблемах. Политизированное еврейство металось между национальной солидарностью и партийными пристрастиями. Наиболее ярко это выразилось в столкновении либерализма, приверженцем которого являлся Винавер, и сионизма, чьим апологетом стал В.Е. Жаботинский, провозгласивший «поворот спиной ко всему внешнему миру» и призывавший к «расходуванию еврейской силы

только на еврейской ниве» (с. 186, 177). Их спор показан в книге как непримиримый конфликт незаурядных личностей.

Мастер психологического портрета, Кельнер отмечает, что Винаверу нелегко было выбирать между долгом перед своим народом и партией конституционных демократов, для которой предоставление евреям равноправия оставалось «вспомогательным» средством в борьбе с самодержавием и находилось «на периферии политического сознания» (с. 180). Понимая, что российское еврейство нуждается в единой сплочённой организации, Винавер тем не менее не собирался менять партийную принадлежность. Веря в возможность решения еврейского вопроса только при полной демократизации государственной жизни, он отрицал её радикальные методы. Поэтому не подкреплённое документально утверждение автора о том, что, по мнению Винавера, евреи были обязаны идти в первых рядах русской революции (с. 191), не кажется убедительным, хотя ему и доводилось защищать тех, кто сражался на баррикадах с оружием в руках.

Несмотря на успешность его адвокатской практики, популярность речей и статей, Винавера преследовали неудачи. В 1906 г., подписав Выборгское воззвание, он лишился думской трибуны. Весьма болезненно воспринимался им распад еврейского либерального движения: модернизация общины, стремительно превращавшейся из религиозной в светскую, лишила его бывшего влияния (с. 300—301). Между тем русское общество не спешило принимать еврейские ценности в той же мере, в какой интеллигентные евреи усваивали его культуру. Отмена весной 1917 г. всех национальных и вероисповедных ограничений стимулировала вовлечение евреев в политическую борьбу,

но это, в свою очередь, усиливало антисемитские настроения даже в *его* партии. Пришедшие же к власти большевики не простили Винаверу «кадетства» и вынудили покинуть страну. В эмиграции он остался верен России, защищал Белое движение, надеясь, что оно спасёт её от распада, оправдывал российское еврейство, споря с теми, кто возлагал на него вину за большевистский режим (с. 389—390, 421—422). Ему по-прежнему казалось, что именно в России после её освобождения от деспотизма евреи получают всё необходимое для национальной самореализации (с. 439, 440).

В чём-то наивный, не сомневавшийся в том, что убеждением, разоблачением и полемикой можно достичь справедливости, Винавер, подобно гр. Л.Н. Толстому, презирал «счастливый и честный мирок», в котором можно «спокойно, без ошибок, без раскаянья, без путаницы жить себе потихоньку и делать не торопясь, аккуратно всё только хорошее». Напротив, ему были близки слова писателя: «Чтоб жить честно, надо рваться, путаться, биться, ошибаться, начинать и бросать, и опять начинать, и опять бросать, и вечно бороться и лишаться. А спокойствие — душевная подлость». По мнению Кельнера, Винавер и был своеобразным толстовцем, считавшим духовное совершенствование общества главным способом его трансформации и до последних дней, несмотря на крушение своих иллюзий, сохра-

нявшим оптимизм и веру в дело, которому посвятил жизнь (с. 444).

Особого внимания заслуживают авторские ремарки в страничных сносках, где Кельнер кратко, но ёмко характеризует людей, различные группы и партии, издания, события, включая их предысторию. Своеобразный авторский стиль позволяет, не нарушая логики повествования и стройности композиции, развернуть перед читателем широкую картину общественно-политической жизни начала XX в.¹ Всё это делает монографию событием в историографии русского освободительного движения и его еврейской «составляющей».

Примечание

¹ В некоторых деталях автор не совсем точен. Опираясь на «Еврейскую летопись», он называет еврейский погром в Красноярске в 1916 г. первым в Сибири (с. 344), хотя такие же эксцессы происходили в Томске и Иркутске ещё в 1905 г. (*Юшковский В.* Соломон и другие. Томские евреи: лица на полотне. Красноярск, 2005. С. 81—93; *Рабинович В.Ю.* Горячие дни: октябрь 1905 г. в Иркутске // Сибирский еврейский сборник. № 2. Иркутск, 1996. С. 60—69; *Шиловский М.В.* Томский погром 20—22 октября 1905 г.: хроника, комментарий, интерпретация. Новосибирск, 2019). И если беспорядки в Иркутске и Красноярске носили скорее характер социального взрыва, чем собственно еврейского погрома, то всё же среди их жертв больше всего оказалось именно евреев (*Kalina L.* The Possibility of Impossible: Pogroms in Eastern Siberia // *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History* / Ed. J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N. Meir, I. Bartal. Bloomington, 2011. P. 139—141).